

ЛУКОМОРЬЕ

№ 15 | 16

1916 г.

Пасха, яйца, куличи,—
Изобилъе въ общемъ,—
Но вина и не ищи...
Ну, да мы не ропщемъ.
Въ дни былые, правда, мы
Отъ тоски-бъ зачали,
Изливали-бъ жалобъ тьмы:
Прокъ намъ въ куличахъ ли?

„Вдосталь выпивъ,—закуси,
Властно въ прежнемъ бытѣ
Намъ завѣтъ звучаль: „Руси
Есть веселье пити!“
А теперъ любой изъ насъ
Клятву не принесъ ли!
Пусть пробьетъ побѣды часъ,
А ужъ выьемъ послѣ!

Бенедиктъ.

СВЯТѢЙШАЯ ВЕЛИКАЯ БОЖІЯ ЦЕРКОВЬ СОФІА ПРЕМУДРОСТЬ, ПРИСНОСУЩНОЕ СЛОВО

SANCTA SOPHIA

Богомъ богатая Божія святая Софія!

Тихо и ясно горѣ у твоего золотого необъятнаго терема и, какъ въ небесахъ, колыбаются тихія звѣзды—лампады.

серебряныя. А вдоль воздушныхъ уборовъ райская яблонь развѣтвилась золотыми плодами. А тамъ, подъ мраморнымъ дномъ, сладкія воды текутъ—

Κύριε ἐλέησον!

Надъ святою трапезой на средѣ ея Константиновъ вѣнецъ, крестъ и голубъ златъ подъ крестомъ, и иныхъ царей вѣнцы округъ сѣни, и тридцать малыхъ вѣнцовъ у поволочитой завѣсы—цѣна неощеннаго въ память и незабытіе людямъ.

Ночью свѣтитъ самоцвѣтный камень съ надвратной стѣны отъ Спаса великаго изъ чела, и на красныхъ полатахъ всю ночь, пока не заклепають къ заутрени въ било, бѣлыя сестры—діакониссы великой церкви—неусыпно стоятъ на молитвѣ за весь міръ—

Какія подснежныя—бобіовые листья!
Какія бѣлыя—бѣло-алый трояндофиловый цвѣтъ!

И кто этотъ градарь насадилъ твой семивратный садъ? Кто пославилъ тебя? Кто стережетъ?

— А видишь, налѣво вверху три оконца—три иконы стоятъ, тамъ по всеѣ дни ангель Господень. И пока стоитъ святая Софія, не уйдетъ онъ отъ мѣста сего. Такъ клялся ангель Господень невѣдомымъ именемъ первымъ—святою Софіей. Ангель Господень далъ имя, онъ же и стражъ.

Чудно и красно, и какъ солнце, сіяютъ иконы, и алойный облакъ бѣлыхъ кадильницъ синѣетъ между столпами зелена камени съ прочернью.

Тамъ, на мѣстѣ царскомъ, гдѣ мраморъ багрянъ, видѣли ночью, молилась Богородица. Тамъ, въ заалтарномъ притворѣ, гдѣ гроба Господня доска, и посохъ желѣзень, и крестныя свердлы и пилы, тамъ у камня—на немъ сидѣлъ Христосъ, говоря съ Самарянкой,—слышали голосъ: «Дай же мнѣ воды пити!»

И я, пришедшій съ моею любимою чадью отъ святого Мамы, витанія русскихъ, я видѣлъ у великаго алтаря на серебряномъ амвонѣ Романа: пѣлъ сладкопѣвецъ величальныя пѣсни, славилъ Всепѣтую, Всенепорочную, Всеблаженную, Дѣву Обрадованную, Богородицу нашу, Матерь Свѣта.

И духъ святой наполнилъ намъ душу и сердце, и мы не знали, на небѣ ли мы, ли на землѣ.

Слава Премудрости, создавой домъ свой! I.

ΝΕΝΙΚΗΚΑ ΣΕ ΖΑΛΟΜΩΝ

Вдохнулъ Богъ въ умъ царю Іустиніану создать святую церковь.

И отъ Адама такой не было создано церкви и нѣтъ на землѣ такого вида и красоты такой—святая Божія великая церковь, святая Софія Премудрость.

По числу дней года триста и шестьдесятъ пять предѣловъ и на каждый день празднику служба, три тысячи поповъ служили въ великой церкви и круглый годъ, какъ на Пасху, на цвѣтной пасхальной недѣлѣ, видимо всемъ и открыто, иконостаса не заводили и колоколовъ не знали,—въ колоколѣ испоконъ звонятъ латыни,—а держали въ великой церкви по ангелову ученію било: къ службѣ въ било и клепали.

Двѣнадцать евангеліевъ одесную и двѣнадцать евангеліевъ ошуюю стояли на высококомъ мѣстѣ по ряду, золотыя, дорогими камнями свѣтили,—и свѣтили ихъ свѣтъ въ ночи, какъ звѣздный, и тьма его не обьяла.

Въ великомъ алтарѣ хранили столъ, на которомъ столъ въ великій четвергъ вечерялъ Христосъ со ученики своими, и въ великомъ алтарѣ хранились сосуды—дароносивые златы, ихъ цари-волхвы принесли въ даръ Младенцу-Христу въ пещеру по звѣздѣ съ востока, хранилось и Ольжино блюдо, Ольги княгини русской, алымъ полунощнымъ жемчугомъ убрано, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду, и висѣли въ заалтарномъ притворѣ четыре мѣдныя трубы ерихонскія въ образъ ангельскихъ трубъ, когда пали стѣны Ерихона.

А строили церковь пять лѣтъ, одиннадцать мѣсяцевъ и десять дней, а строилъ Анеемій строитель изъ города Траллеса съ товарищемъ своимъ землякомъ Исидоромъ изъ Милета, и было подъ ними народа десять тысячъ: по пяти тысячъ на руку. А за десятника былъ Игнатій Нѣпровичъ,—великъ человекъ, трижды изъ Кіева въ Іерусалимъ пѣшъ ходилъ!

Освященную вербу—лозу Перунову по цареву видѣнію клали въ ячменный варъ съ известью крѣпости ради великихъ стѣнъ.

Изъ царскихъ палатъ сдѣланъ былъ ходъ на лѣса, и всякій день, лѣто и зиму, царь въ платьѣ нецарскомъ навѣдывался на постройку. Снились царю вѣщіе сны, какъ храмъ строить, и любилъ царь съ мастерами думой дѣлиться—въ день субботній и въ праздникъ созывалъ къ себѣ мастеровъ на бесѣду въ царскія палаты.

Третій годъ кончался, высоко поднялись стѣны и не нахвалится царь мастерами, и лишь одна была у царя работа, не зналъ въ-имя, какое дать имя великой церкви.

I Сказы къ словамъ: теремъ—куполъ; уболь—улица; воздушные уборы—галлерей; трапеза—престоль; полаты, полати—галлерей; бобіовые—фіалковыя; трояндофиловый цвѣтъ—цвѣтъ розы; градарь—садовникъ; пославилъ—нарекъ и объявилъ; чадь—сотрудники, помощники; витаніе—пристанище.

А былъ у Игнатя десятника сынъ, Петромъ звали, мальчишка до всего смысленый. И какъ, бывало, выйдетъ отецъ на постройку и Петька за нимъ увяжется, и ходитъ день за отцомъ по лѣсамъ, лазаеъ вездѣ, тоже распорядокъ провѣряетъ. А то, глядя на старшихъ, примется помогать: то кирпичъ тащить, то у скуделей возится. И такая была у него лопаточка маленькая и на этой лопаточкѣ иглой вострой нарѣзана была великая церковь, какая она будетъ,—Анѳемій строитель, балуя мальченку, самъ Анѳемій эту лопаточку ему сдѣлалъ. И топорикъ у него свой былъ серебряный—царскій подарокъ: «въ день ангела отъ царя Іустіана». Вотъ съ лопаточкой да съ топорикомъ царскимъ всюду и поспѣвалъ мальченка. И рабочіе его любили: съ дитѣмъ смысленымъ и работа шла ходчѣе, да и весело—за три-то года, примѣтливый, перенялъ мальчишка всякія хитрости мастеровыя, и какъ примется мастерить на свой страхъ, ну, такъ стараеъся,—ну, какъ тутъ не весело.

Царь Игнатя десятника жаловалъ: вѣрный былъ царю человекъ Игнатей Нѣпровичъ и божественный,—трижды изъ Кіева въ Іерусалимъ пѣшъ ходилъ! А ужъ въ мальченкѣ царь просто души не чаялъ. И вездѣ-то, бывало, съ собой по всей постройкѣ водить. Навезутъ ли какихъ сокровищъ, а везли ихъ со всѣхъ концовъ, даже изъ самаго Рима, и первымъ дѣломъ, конечно, царю на показъ, а съ царемъ и Пѣтушекъ. И, бывало, начнетъ царь Пѣтушку толковать, что и откуда, и гдѣ какіе столпы стояли, въ какой божницѣ и у какихъ капищъ, такъ слова не проронитъ мальченка, и послѣ такъ всѣмъ расскажетъ, словно бы и самъ тамъ бывалъ, на всѣхъ концахъ и даже въ самомъ Римѣ.

Самъ царь и Пѣтушкомъ Петьку прозвалъ за эту его такую отчетность.

— Вотъ, Пѣтушекъ,—скажетъ другой разъ царь, приласкаеъ мальченку,—дастъ Богъ, окончимъ церковь, и такая она у насъ выйдетъ, куда твой храмъ Соломоновъ. Мы съ тобой, Пѣтушекъ, побѣдимъ самого царя Соломона!

— Побѣдимъ!—бойко отвѣтитъ, и такъ глаза загорятся—пѣтушки-огонечки, какъ звѣздные,—еще бы не побѣдить!

И случилось однажды, въ день субботній позвалъ царь къ себѣ мастеровъ на обѣдъ. А за мастерами, пошавъ, разошлись и рабочіе. И остался на стѣнѣ одинъ Пѣтушекъ: отецъ оставилъ его караульщикомъ, стеречь скудель, да корыта, да орудія каменносѣчныя и наказалъ крѣпко никуда не отлучаться. На Пѣтушка все можно было оставить.

Походилъ Пѣтушекъ съ лопаточкой своей по стѣнѣ, постучалъ топорикомъ, забрался тамъ на самую верхушку. Далеко ему было видно по зарѣ по вечерней—весь Воспоръ горѣлъ золотой до Русскаго моря и златорогій Судъ огоньками рябилъ золото-красными, золото-синими и зелеными до святаго Мамы и за Мамонтову церковь до самыхъ роговъ, гдѣ Анна дѣвица въ тѣлѣ лежитъ, какъ жива, и плыли корабли алые вдоль берега по морю Мраморному мимо Яблоновыхъ воротъ отъ Одигитрии, уносили зарю съ собой.

Присѣлъ Пѣтушекъ на вышку и сталъ ждать мѣсяца.

И не мѣсяцъ, отрокъ въ бѣломъ, какъ царевъ вѣстникъ, весь въ бѣломъ, сталъ передъ нимъ.

— Здравствуй, Пѣтушекъ!—и, какъ заря, засвѣтился ликъ.

— Здравствуйте!

— А гдѣ же отецъ? гдѣ мастера?

— У царя обѣдаютъ,—сказалъ Пѣтушекъ.

— Какъ же такъ можно! Оставьте Божіе дѣло? Иди сейчасъ же и позови ихъ.

— Они сами скоро вернуться.

— Ни часа, ни минуты нельзя медлить. Иди и скажи!

— Никакъ не могу. Я караульщикъ.

— Иди, говорю,—и два бѣлыхъ крыла сверкнули, какъ снѣгъ, и отъ лица дунуль огонь:—клянусь святою Софіей, именемъ созидаемой великой церкви, не уйду отсюда, пока не вернешься. Я посланъ отъ Бога быть здѣсь на стражѣ.

Кончился у царя обѣдъ, сидѣли мастера въ царскихъ палатахъ съ царемъ вокругъ стола, думали сообща—одна забота, одинъ разговоръ.

Царь рассказывалъ свой сонъ, будто шелъ онъ отъ Русскихъ Золотыхъ воротъ русскимъ уболомъ и видитъ, надъ великой стѣной поверхъ лѣсовъ въ великомъ свѣтѣ юношъ на престолѣ вельми крылатый въ бѣломъ саккосѣ съ омофоромъ, на головѣ царскій вѣнецъ, въ рукахъ жезло и свитокъ, а посторонь его Богородица съ Младенцемъ и Предтеча скамейки со крестомъ и копіемъ.

Добѣжалъ Пѣтушекъ до царскихъ палатъ. Пропустили Пѣтушка часовые. И прямо къ царю. И рассказалъ Пѣтушекъ царю все, что сказалъ ему невѣдомый вѣстникъ.

— Клянусь святою Софіей, именемъ созидаемой великой церкви, не уйду отсюда, пока не вернешься. Я посланъ отъ Бога быть здѣсь на стражѣ!—и глаза Пѣтушка загорѣлись, какъ звѣзды.

И уразумѣлъ царь Іустиніанъ, кто этотъ вѣстникъ и чье это слово, и возрадовался о чудѣ—о имени чудномъ великой созидаемой церкви. И положилъ царь назвать великую церковь святою Софіей по ангелову слову—откровению Пѣтушкову. И, не мало немедля, вышель изъ царскихъ палатъ на работу и съ нимъ мастера всѣ, слава и хвала Бога.

А Пѣтушка съ собой не взяли, оставили въ царскихъ палатахъ.

— Вернется Пѣтушекъ, ангелъ Господень уйдетъ со стѣны, не вернется Пѣтушекъ, останется ангелъ стеречь. Такъ и не взяли.

Такъ съ тѣхъ поръ и остался Пѣтушекъ въ царскихъ палатахъ. И никуда ужъ его не отпускали и даже домой, къ святому Мамѣ, гдѣ жилъ онъ съ отцомъ, его не пускали, къ дворцовымъ воротамъ не велѣли подходить близко, и постройку—и жалъ его было, да царева указа не могли послушать.

Хорошо въ царскихъ палатахъ, всего тамъ вволю, и, чего душа хочетъ, все можно, да Пѣтушку-то ничего не надо: одна просьба, однѣ слезы—выпустить его за дворцовыя ворота на стройку, полазать ему, какъ прежде, по лѣсамъ, по верхушкамъ съ лопаточкой, съ топорикомъ.

И не разъ самъ царь уговаривалъ и съ нимъ Анѳемій строитель и товарищъ его Исидоръ строитель, не разъ и мастера учили, пробовалъ и отецъ толковать.

— Вернется Пѣтушекъ, ангелъ Господень уйдетъ со стѣны, не вернется Пѣтушекъ, останется ангелъ стеречь.

Смысленый, понималъ Пѣтушекъ, да что съ сердцемъ-то сдѣлаешь: не покорливо, хоть и маленькое, и какъ ни толкуй, а ничѣмъ не успокоится.

— Папа,—скажетъ, и ужъ губы дрожатъ,—папа родной мой, пусти меня на волю! Я, папочка, только посмотрю... Ну, что тутъ сказать, и понимаешь, а ничего не подѣлаешь.

Долго такъ съ мальченкомъ мучились.

И ужъ какъ-то само собой вышло, либо тутъ нянька царская Малаѳевна, мудрая женщина, ея дѣло, напахнулъ добрый умъ—затихъ Пѣтушекъ—покорилось сердце его непокорливое, больше не плакалъ, не просился на волю. Чахъ Пѣтушекъ въ царскихъ палатахъ. И ужъ не надо ему ни лопаточки, ни топорика. Станетъ ли Малаѳевна сказывать сказку, молча слушаеътъ сказку, не улыбнется, не поправитъ, не загорятся глаза, какъ бывало, а, бывало, какъ пѣтушки-огоньки, горѣли.

На третій день Рождества освятили великую церковь, святую Софію Премудрость. И ради торжества такого на игрищѣ царскомъ—на подроміи были убиты тысяча быковъ, десять тысячъ овецъ, шестьсотъ оленей, тысяча свиней, десять тысячъ куръ, десять тысячъ цыплятъ, и вся эта живность и тридцать тысячъ мѣръ хлѣба были розданы народу. И когда растворили красныя царскія двери и, какъ ангелы, воспѣли калуфони, взошелъ царь на хрустальный амвонъ, сталъ подъ сѣнь золотую, учиненную бисеромъ со свѣтлыми измарагды—воистину, онъ побѣдилъ Соломона!

А Пѣтушекъ и на освященіи не былъ, не дождался.

Такъ и зачахъ Пѣтушекъ. За сорокъ дней до торжества передъ Филипповымъ заговеніемъ Пѣтушка похоронили. Велѣлъ царь Іустиніанъ мастерамъ сдѣлать серебряный гробикъ, въ немъ Пѣтушка и похоронили, а съ нимъ и лопаточку его и топорикъ.

Въ царскихъ палатахъ въ Богородичной церкви Маячной, гдѣ Образъ нерукотворенный, крестъ честный, вѣнецъ, губа, гвозди, багряница, копіе и трость страстные, въ уголку у дверей трапезныхъ серебряный гробикъ—лежитъ Пѣтушекъ—«за великую церковь святую Софію Премудрость при царѣ Іустіанѣ».

NEA ROMN

На три угла на семи холмахъ стоитъ царственный Новый Римъ.

Тридцать пять дорогъ—тридцать пять воротъ ведутъ въ Царьградъ.

Отъ Русскаго моря съ Воспора—ворота Варварскія и ворота Михайловы. Отъ Суда златорогаго—ворота Евгеньевы, Красныя, Рыбныя, Осужденныхъ, Дровяныя, Источника, Хлѣбныя, Стекольныя, Святой, Новыя, Петрійскія, Фанарскія-Царскія, Звѣринскія, Влахернскія. Съ запада съ суши—другія Влахернскія, Озерныя, Калигарійскія, Каллиникова ка, литка, Безплотныхъ, Миріандровы и Полиандровы, Пемптіискія, Меландрійскія, Силврийскія, Романовы—въ нихъ султанъ Махмудъ вошелъ, поплѣнилъ Царьградъ. Съ юга же отъ моря Мраморнаго—ворота Одигитрии, Контоскалійскія, Новыя, Емильяновы, Псомаѣйскія, Яблоновыя и Золотыя-Русскія—въ нихъ, по народной молвѣ, христіане войдутъ, освободятъ Царьградъ.

Велика святыня царградская, много чудесъ святыхъ хранить земля.

Подъ камнями завалены лежатъ въ землѣ пророкъ Даніилъ и пророкъ Исаія. За Судомъ златорогимъ—Симеонъ Столпникъ, утвердившій на столпѣ своемъ брѣнную волю, нашъ духъ немощной. У Влахернскихъ воротъ—Андрей Юродивый, вольно принявшій терпѣніе отъ жестокаго міра сего и очами сердечными увидѣвшій Богородицу, за міръ молящюся,—Покровъ Богородицы. А тамъ, на Лугаревомъ полѣ, Антоній Великій и Павелъ Фивейскій—отцы трудники, столпы пустынные. А тамъ, у воротъ Романовыхъ, въ церкви Благовѣщенія, Романъ пѣвецъ и Іоаннъ Дамаскинъ.

Въ святой церкви Апостольской на средѣ церкви алтарь, тамъ, подъ алтаремъ, Іоаннъ Златоустый и Григорій Богословъ лежатъ. У алтарной преграды два столпа: великій столпъ Христовъ, у него привязанъ былъ Христосъ, когда мучили, и малый столпъ Петра, у него горько плакалъ Петръ, когда запѣлъ пѣтухъ. Подъ трапезой евангелистъ Матеей и Лука и съ ними апостоль Андрей. А отъ алтаря на востокъ стоитъ гробъ Константина царя, на кровлѣ гробной письмена греческія—а написано о царствіи туркомъ и о концѣ его.

По стопамъ Антонія, архіепископа новгородскаго, въ мірѣ Добрыни Ядрѣйковича, мниха Стефана Новгородца и земляковъ его доброписцевъ Ивана и Добрылы, Троице-Сергіевской лавры іеродиакона Зосимы, дьякона Игнатія, да дьяка Александра, первыхъ русскихъ паломниковъ ко Царюграду, была и миѣ милость поклониться святой Софіи Премудрости.

Развоеванъ стоялъ Царьградъ.

Гдѣ святыя сорокъ сороковъ, гдѣ монастырь Студійскій—изъ него на Русь книга пошла, уставъ и тріодъ, гдѣ Влахернская церковь, гдѣ Спасъ Великій, гдѣ Воскресеніе, гдѣ святыя сокровища—палица Моисеева, море раздѣлившая, Самуиловъ помазующій рогъ, сучецъ масличенъ голубя Ноева, Ильина милоть, риза и пелена Богородицы, гдѣ гробъ Захаріи, гробъ Симеона Богопріимца, гробъ Іакова, брата Господня, Варвара Великомученица, Пантелеймонъ Цѣлитель, Флоръ и Лавръ, Козма и Даміанъ, Иванъ Кущникъ, Селивестръ, папа Римскій, гдѣ доска, на которой положенъ былъ Господь нашъ,—надъ ней Божія Матерь плакала и шли слезы, какъ воскъ бѣлыя, гдѣ доска, гдѣ эти слезы бѣлыя?

Съ землей сравнена церковь Апостоловъ—на ея мѣстѣ Махмудіе мечеть, завалены Золотыя ворота—нѣтъ ни проходу, ни пропуску.

На двѣ стрѣлы отъ Спаса Великаго передъ вратами монастырскими лежала жаба каменная: при царѣ Львѣ Премудромъ ночью жаба, по улицамъ ходячи, сметіе людей пожирала, а метлы пометали сами,—возстануть людіе порану, а улицы чисты.

Нѣтъ Спаса Великаго, нѣтъ монастыря Аполикантскаго, нѣтъ воротъ монастырскихъ, нѣтъ жабы каменной.

Вышелъ я вечеромъ походить по улицамъ города. Лѣнливо на улицѣ, мирный разговоръ подъ кровлями, рѣдки встрѣчи, неторопливы прохожіе. Я ходилъ по пустыннымъ улицамъ по стопамъ паломниковъ: поминалъ въ вѣкахъ канувшее и то, что видѣли, и то, что слышали.

И не помню, какъ ночь пришла.

И не узналъ я города.

Что-то локнувъ, заулькало и пошло бурбить бурьбой съ конца въ конецъ, и увидѣлъ я жабу каменную: на лапцахъ на каменныхъ вскачь неслась по улицѣ, хапала, глотала,—пожирала сметіе, а за нею сами метлы мели.

Какъ во снѣ, я шель по уболамъ, не по улицамъ, мимо церквей, мимо столповъ мраморныхъ, перешель царевымъ путемъ Плакоту, площадь мраморную.

Жаба насытилась, у водопровода булькала, напивалась студеной воды—и ей, каменной, тоже попить хочется. Напилась, облизнулась и опять на мѣсто—у воротъ залегла монастырскихъ, а съ нею и метлы.

И такая стала ночь тихая и такая темная и такая неслышная.

Я вошелъ въ церковь Апостоловъ.

У алтарной преграды два столпа стоятъ.

Поклонился я Христову столпу: у него привязанъ былъ Христосъ, когда мучили.

— Слава страстямъ Твоимъ! Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Поклонился Петрову столпу—его горькимъ слезамъ, когда запѣлъ пѣтухъ.

— Брате мой, Петре, съ первыхъ словъ, съ первыхъ думъ моихъ я горевалъ съ тобой!

И увидѣлъ на восточной сторонѣ великій царскій гробъ и на крышѣ гробной сверкали огненные литеры.

Снилось ли мнѣ или въ явѣ я видѣлъ гробъ, я запомнилъ огненные литеры—письмена греческія. Долго потомъ я искалъ спрашивалъ мудрыхъ людей. И нашель въ старой книгѣ—отъ Геннадія патріарха, перваго по взятіи Царяграда, толкъ на славянскій.

Въ первый Индикта царство Исмаила, зовомаго Моамеа, имать побѣдiti родъ Палеологовъ, седмихолміе одержитъ, внутрь воцарится, языки премногими обладаетъ, и острова опустошитъ, даже до Евксинскаго понта. Истровыхъ сосѣдей разоритъ.

Въ осмый Индикта Пелопонисомъ обладаетъ.

Въ девятый Индикта на сѣверныя страны имать воевати.

Въ десятый Индикта далматовъ побѣдитъ, паки обратится еще на время. Съ далматами брань воздвигнетъ велию. Часть нѣкая сокрушится. И множества—и языцы купно со западными моремъ и сушею рать соберутъ, и Исмаила побѣдятъ. Седмихолміе возмутъ со прономіями. Тогда брань возставятъ междоусобную, свирѣпую, даже до пятого часа, и гласъ возапѣтъ трижды,—станите, станите со страхомъ, поспѣшите зѣло спѣшно, въ десныхъ странахъ мужа обрящете добля, чудна и сильна, сего имѣйте владыку: другъ бо мой есть, и того вземше, волю мою исполняйте.

Алексѣй Ремизовъ

Октавистъ Синявинъ.

Синявинъ пріѣхалъ въ одинъ изъ глухихъ городковъ средней полосы Россіи утромъ въ Великій четвергъ. На извозчика у него, по обыкновению, не было,— три версты отъ станціи до города пришлось идти пѣшкомъ. Кромѣ удовольствія эта прогулка ничего не доставила Синявину. Голубая купель неба, солнце—золотой младенецъ въ глубинѣ ея, поющіе жаворонки, а главное—подъ ногами веселая хрустовень подмерзшихъ за ночь ручейковъ.

Синявинъ, вообще, не былъ охотникъ до желѣзныхъ дорогъ. Онъ предпочиталъ апостольскій способъ путешествія съ узелкомъ подъ мышкой, съ хорошей ясеновой подругой въ рукѣ. Покупая себѣ новые штиблеты, что, впрочемъ, случалось весьма рѣдко, онъ первымъ долгомъ дѣлалъ на нихъ надрѣзы, подобно тѣмъ, какіе бывають на сандаляхъ «Отличная вентиляция для ногъ въ дорогѣ»—говаривалъ онъ.

Жить подолгу на одномъ мѣстѣ Синявинъ терпѣть не могъ; его тянуло куда-то, звало къ новымъ невиданнымъ го-

родамъ и людямъ. И онъ шель, шель долго, мучительно, натирая до кровавыхъ мозолей ноги. Приходилъ и убѣждался, что новый городъ, въ общемъ, такъ же похожъ на пройденные города, какъ его штиблеты похожи другъ на друга, а люди... О людяхъ Синявинъ ничего плохого не могъ сказать. Они сыпали ему безъ счета денегъ, всегда готовы были раздѣлить съ нимъ трапезу—чего же больше? Въ свою внутреннюю жизнь Синявинъ, какъ бы не былъ пьянъ, никогда не пускалъ ихъ и это создавало вокругъ него атмосферу загадочности и безотчетнаго уваженія.

Въ пѣвческомъ мірѣ Синявинъ былъ извѣстенъ подъ именемъ бродячаго октависта, и гдѣ-гдѣ только не побывалъ онъ: отъ Смоленска до Пензы, отъ Саратова до Костромы знали его. Приходя въ какой-нибудь городъ, онъ, обыкновенно, выбиралъ церковь побѣднѣе, становился, если была служба, прямо на клиросъ и шепнувъ регенту: «можно?»—привычно вливалъ въ хоръ свою необъятную рокошующую октаву. Любители цер-

ковнаго пѣнія сейчасъ же настораживали слухъ. Послѣ всенощной у Синявина въ карманѣ появлялась красненькая, а раннюю обѣдню онъ уже пѣлъ въ соборѣ къ великому удовольствию прихожанъ. Поживъ въ городѣ недѣлю-другую, а то и меньше, онъ раздавалъ своимъ пріятелямъ-собутельникамъ все до копейки и рано утромъ всегда до восхода солнца, отправлялся въ дальнѣйшій путь. Никакія просьбы и деньги не могли удержать его.

Природу и пѣніе чудакомъ-октавистъ любилъ до смѣшного, до изступленія, до слезъ.

Ночуя большей частью подъ открытымъ небомъ—на улицѣ, на кладбищахъ, гдѣ-нибудь въ полѣ за городомъ, онъ, случалось, цѣлую ночь, не смыкая глазъ, смотрѣлъ на звѣзды и мечталъ. Видѣлъ Синявинъ сверху золотые, тонкіе, какъ паутина, мосты, перекинутые надъ синей бездною отъ одной звѣзды къ другой, видѣлъ на этихъ звѣздахъ бѣлые среброствольные лѣса и былъ увѣренъ, что живутъ тамъ праведные съ незлобивыми